

Вера в чудо и традиции обыденного благочестия в русской художественной культуре XVII века

XVII столетие нередко называют переходным временем в истории русской культуры. На пороге петровских преобразований художественная культура балансировала между «духовным» и «мирским», отдавая предпочтение то одному, то другому. В целом, она ещё находилась под влиянием и контролем церкви, поэтому вопросы благочестия оставались для неё одними из наиболее актуальных. В то же время, культура должна была отвечать на вызовы новой эпохи перемен и реформ.

Реформы царя Алексея Михайловича и патриарха Никона в светской и духовной сферах, череда бунтов и войн создавали у людей ощущение неустойчивости жизни, кризисности ситуации. Недаром на вторую половину XVII столетия падает время самого острого за весь период позднего средневековья ожидания Конца света и Страшного суда (1666 и 1669 гг.). Обрести духовную опору в реальности рядовому человеку было крайне трудно. Выживать и верить многим помогала только надежда на Чудо, явленное свыше.

В чуде как средстве укрепления благочестия верующих нуждалась и Русская Православная Церковь, переживавшая период раскола и ожесточённых дискуссий между сторонниками старого и нового обряда. В середине — второй половине XVII в. во многих древних монастырях и религиозных центрах происходят «обретения» мощей местночтимых святых, и местные церковные иерархи добиваются от патриархии их официальной канонизации.¹ В то же время к Житиям уже давно почитаемых русских праведников добавляются сказания об их чудесах, прежних и новых.² Строятся храмы или приделы в честь вновь обрётённых или уже давно известных местных чудотворцев. В XVII столетии возрастает и количество чудотворных икон, которые в этот период обнаруживаются во многих городских и сельских храмах, в том числе и среди новых образов, написанных после разорения Смутного времени.³

Но официальная культура XVII в. под влиянием внешних и внутренних политических и экономических причин развивалась по пути рационализации, в том числе и духовной сферы. Даже проявления веры и благочестия всё чаще подвергаются рецепции разумом, требуют богословских обоснований и закрепляются в решениях церковных соборов и других официальных документах. Представления о чуде и чудесном постепенно вытесняются в низовой уровень культуры, в так называемую «народную религию» или область обыденной религиозности рядового населения России. Напомним, что сам Христос, согласно

*Сукина, Л. Б. Вера в чудо и традиции обыденного благочестия в русской художественной культуре XVII века / Л. Б. Сукина // Чудесное и обыденное: Сборник докладов конференции. — Курск: Издательство Курского государственного университета, 2002.

¹Голубинский, Е. Е. История канонизации святых в русской церкви / Е. Е. Голубинский. — 2 изд. — М., 1903. — С. 109—137.

²Ключевский, В. О. Древнерусские жития как исторический источник (репринтное издание) / В. О. Ключевский. — М., 1988.

³Среди чудотворных икон, как и в прежние времена, преобладали образы Богородицы. См., например: Снегосорова, С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных её икон / С. Снегосорова. — СПб., 1898.

Евангелию, предпочитал совершать чудеса среди простых галилеян, чья вера в него была искренней и наивной. Таким образом, в интересующей нас сфере религиозности происходит своеобразный возврат к традициям раннего христианства, к чему стремились и инициировавшие церковные реформы «ревнители древлего благочестия» из окружения царя Алексея Михайловича и патриарха Никона.

Вера в чудо, указывающее пути к спасению, нашла широкое отражение в различных формах посадской, преимущественно провинциальной, художественной культуры XVII века: архитектуре, монументальной живописи, иконописи, текстах рукописных книг и книжной миниатюре. Эта вера у русского человека того времени была тесно связана как с традициями древнего благочестия, так и со стремлением вписаться в новую, меняющуюся на глазах культурную действительность.

В XVII столетии с развитием торговли и ростом материального благосостояния городского населения увеличивается число посадских приходских храмов, построенных не по инициативе церкви и государства, а с желанием продемонстрировать личное благочестие населения улиц, слобод или отдельных зажиточных семейств. Большинство их строилось в расчёте на чудесную помощь свыше в делах предпринимательства или в драматичных жизненных обстоятельствах. Так, во время эпидемии моровой язвы 1654 г. во многих городах население строило деревянные «обыденные» (то есть возводившиеся за один день) церкви, так как существовало поверье, что такое действие способно остановить распространение болезни. Известно, например, что в Переславле-Залесском таким образом в середине XVII в. было построено около тридцати деревянных церквей.¹

Особую роль в строительстве храмов в XVII столетии играло купечество. Накопление солидных капиталов не гарантировало торговым людям независимости и безопасности. Можно привести множество примеров, когда государство лишало даже самых богатых и знатных из них не только состояния, но и жизни. В таких обстоятельствах надежда на небесное покровительство нередко приобретала первостепенное значение. Среди дошедших до нашего времени «купеческих» храмов своими размерами и великолепием архитектуры и внутренней отделки выделяются московская церковь Троицы в Никитниках и ярославские церкви Николы Надеина и Ильи Пророка.

Роль покровителя торговых людей, а также плавающих и путешествующих принадлежала святому Николаю Чудотворцу. В торговых городах его культ был распространён особенно широко. Например, в Ярославле в XVII веке было построено сразу восемь церквей в честь Николы.² В Переславле-Залесском местным купечеством, торговавшим в Москве и имевшим деловые связи со шведской торговой конторой, не только поддерживалась одна из главных и древнейших городских церквей — Николая Чудотворца «у городских ворот», но был заново отстроен в камне и фактически содержался целый Никольский монастырь, основанный ещё в середине XIV в. святым Дмитрием Прилуцким.³ В крупном торговом центре Костромской земли Солигаличе на Наволоке, от пристани которой отправлялись вниз по реке Костроме суда с солью и известью, в 1686—1688 гг. была также построена большая Никольская церковь, сыгравшая исключительную роль в становлении и развитии солигаличской строительной школы XVII—XVIII вв.⁴

Представления о чуде как последней надежде и уповании человека в трудные минуты жизни нашли отражения и во фресковых росписях Поволжья, заказчиками которых также выступало купечество. Стенописи купеческих храмов отличаются большим разнообразием и личностным характером выбора сюжетов по сравнению с одновременными им фресками монастырских и главных городских соборов, содержание и программы которых определялись официальными церковными властями на местах. Рассмотрим это на примерах известных росписей ярославских храмов Николы Надеина и Ильи Пророка.

¹Смирнов, М. И. Переславль-Залесский: Исторический очерк 1934 года / М. И. Смирнов. — Переславль-Залесский: Плещеево озеро, 1996. — С. 182.

²Брюсова, В. Г. Фрески Ярославля / В. Г. Брюсова. — М., 1983. — С. 35.

³Сукина, Л. Б. Купеческий культ святого Николая Угодника в Переславле-Залесском / Л. Б. Сукина // VIII Тихомировские краеведческие чтения: Сборник материалов. — Ярославль, 2003.

⁴Кудряшов, Е. В. Солигалич / Е. В. Кудряшов. — Л., 1987. — С. 24.

Стенопись церкви Николая Надеина выполнена в 1640—1641 гг. артелью костромских, московских, нижегородских и ярославских мастеров под руководством костромича Любима Агеева (Иоакима Агеева Елепенкова). Заказчиком росписи, так же как и строителем церкви, был выходец из ярославского посада, купец Надей Светешников. Светешников разбогател благодаря своей энергии и предприимчивости. География его деятельности впечатляет даже и в сегодняшнее время: закупка пушнины на Севере, медные рудники на Каме, солеварни на Волге от Костромы до Самары, лавки в Ярославле. Надей был торговым агентом царя Михаила Фёдоровича по закупке русских и иноземных товаров для царского домашнего обихода, вёл ссудно-кредитные операции с государственной казной. Своё быстрое возвышение Надей Светешников, вероятно, воспринимал отчасти как чудо и пытался оправдаться перед Богом и людьми. Об этом свидетельствует тематика росписей храма, выполненных по его заказу.

Все стены главного храма и частично приделов заняты композициями со сценами жития и чудес Николая Чудотворца — «простолюдина» из Мир Ликийских, ставшего епископом. Ещё В. Г. Брюсова подметила, что большинство чудес Николая на фресках Надеинской церкви связано с золотом: «О юноше, нашедшем золото», «О золотом кубке, брошенном в море и обретенном по милости Николая», «Об обнищавшем монастыре, его же обогати золотом» и другие.¹ В композициях чудес святой Николай часто представлен с мешком золота в руках: он то раздаёт золото нуждающимся, то поощряет их за добрые дела. В. Г. Брюсова считала, что сюжет «О юноше, нашедшем золото», рассказывающий о судьбе бедного пастуха, у которого монахи отняли найденный клад, а его самого пытались утопить в море, и только вмешательство святого спасло его от неминуемой гибели, иллюстрирует реальные события противостояния верхушки ярославского посада и местных монастырей в борьбе за монастырские слободы.² Слободы, принадлежавшие монастырям, не платили государственных налогов, вся тяжесть которых ложилась на посадское население и создавала препятствия его экономическому развитию. Только принятие Уложения царя Алексея Михайловича в 1649 г. решило этот конфликт в пользу посада. В данном конкретном случае апелляция Надея Светешникова к чудесам, освящённым церковной традицией, не смогла изменить его личную судьбу. Недоброжелатели купца воспользовались тем, что он, в конце концов, не смог вовремя расплатиться с долгами, и Светешников трагически закончил жизнь в пыточном застенке.

Вероятно, «биографический» смысл имеют и чудеса в росписях церкви Ильи Пророка, построенной в 1650 г. ярославскими купцами — братьями Вонифатием и Иоанникием Скрипиными. Расписан храм артелью костромского мастера Гурия Никитина с участием ярославских иконописцев по заказу вдовы Вонифатия Иулиты Скрипиной в 1680—1681 гг.

Судьба одного из богатейших родов ярославских купцов сложилась драматично. Несмотря на то, что у родителей храмоздателей Ильинской церкви Иоанна и Феодоры было 6 детей, семья быстро угасла. Бесплодные браки и ранняя смерть наследников привели к тому, что после смерти Иулиты Скрипиной и её племянника Иллариона с маленьким сыном Иоанном в 1682—1683 гг. их родовое прозвище больше не встречалось в документальных источниках.³

Трагическое ощущение заката рода и боль последней надежды звучат в композициях чудес пророка Ильи и его ученика Елисея. Среди них предпочтение отдаётся чудесам исцелений и воскрешений, «божественным даром» которых были наделены оба пророка: «Чудесное воскрешение сына Сарептской вдовы», «Чудесное воскрешение отрока (сына Сонамитянки)», «Исцеление от проказы сирийского военачальника Неемана» и другие. Возможно, и посвящение самой церкви было продиктовано этим обстоятельством. Исцелительно-воскресительная тема раскрывается целым рядом сюжетов не только Ильинского, но и Христологического цикла и Деяний апостолов.⁴

¹ Брюсова, В. Г. Фрески Ярославля / В. Г. Брюсова. — М., 1983. — С. 38.

² Там же. — С. 40—41.

³ Рутман, Т. А. Храмоздатели церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанникий Скрипины / Т. А. Рутман // 350 лет церкви Ильи пророка в Ярославле (1650—2000 гг.): Статьи и материалы. — Ярославль, 2001. — С. 7—15.

⁴ Схему росписи центральной части храма см.: Никитина, Т. Л. Система росписи центрального объёма церкви Ильи Пророка / Т. Л. Никитина // 350 лет церкви Ильи пророка в Ярославле (1650—2000 гг.): Статьи и материалы. — Ярославль, 2001. — С. 26—35.

Наиболее подробно иллюстрирован в стенописи сюжет о чуде Елисея с сыном Сонамитянки. В пяти композициях последовательно рассказывается история о том, как Елисей помогает бесплодной женщине родить ребёнка, но вымоленное чадо внезапно заболевает и умирает, тогда, вновь поддавшись на мольбы безутешных родителей, Елисей совершает второе чудо — чудо воскрешения. Мы не знаем, соответствовало ли это библейское предание каким-либо реальным событиям, происходившим в семье Скрипиных, но указанные сцены в росписи Ильинской церкви наделены особой эмоциональностью. Именно к этой части цикла деяний Ильи Пророка и его ученика Елисея относится знаменитое изображение жатвы, которое И. Э. Грабарь назвал «насквозь русским» произведением.¹

Вероятно, какой-то особый смысл заказчика и составители программы росписи храма вложили и в последнюю композицию, завершающую цикл росписей с деяниями Елисея. Это больше нигде не встречающееся в иконографии апокрифическое «Чудо Ильи в Нижнем Новгороде», где Илья спас от смерти некоего купца, и, по замечанию В. Г. Брюсовой, «обращающее библейскую историю к русскому культу».²

Чудо как отражение исторических реалий нашло своё воплощение и в иконописи XVII века. Икона, в отличие от фрески, представляет собою сакральный объект, предназначенный для моления и непосредственно участвующий в литургическом богослужении. Поэтому «историческая реальность» изображения чуда на иконе носила более всеобъемлющий характер. Здесь не было места личным переживаниям. Каждое «чудесное» событие, запечатлённое на иконе, имело значение для всего региона или даже для истории страны в целом. Эти сюжеты отражают рост «исторического» самосознания населения России в XVII в. после Смутного времени и расширения внешних границ за счёт присоединения украинских и сибирских земель.

Одним из распространённых иконографических типов в искусстве XVII в. было изображение Богоматери «с чудесами». Исторические сюжеты нередко присутствовали в иконографии Владимирской, Фёдоровской, Толгской, Тихвинской Богоматери.

Богоматерь Владимирская — национальный палладиум³ Московской Руси была прославлена как покровительница всего русского государства и московской династии. Наиболее значительный период её почитания падает на время расцвета московского царства, когда икона была перевезена из Владимира в Москву.⁴ В XVII столетии, вероятно, в стенах Оружейной палаты была разработана иконография иконы с чудесами в клеймах. Одним из лучших образцов этой иконографии считается «Богоматерь Владимирская с чудесами» рубежа XVII—XVIII вв., приписываемая Кириллу Уланову, из Никольского монастыря в Переславле-Залесском.⁵ В клеймах иконы представлен её длинный исторический путь из Константинополя в Москву и чудеса по защите русского государства от врагов, заканчивая нашествием Тамерлана.

Созданные в 1680-е гг. знаменитым костромским иконописцем Гурием Никитиным образцы иконографического извода «Богоматери Фёдоровской» с окружающими средним клеймами чудес широко распространились в кругу ярославских и костромских иконников.⁶ Наряду с общерусской исторической тематикой, в состав сюжетов был включён и рассказ о победе с помощью чудотворной иконы Фёдоровской Богоматери костромского войска над татарами.

Чудеса другой известной иконы «Богоматери Тихвинской» 1680 г. из калужской церкви Смоленской Богоматери связаны с историей Тихвинского монастыря.⁷ Среди них помещено и изображение «новейшего чуда», совершённого иконой во время осады Тихвинской обители шведами в 1613 г.

¹История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. — М., 1915. — Т. 4. — С. 522—523.

²Брюсова, В. Г. Русская живопись XVII века / В. Г. Брюсова. — М., 1984. — С. 98.

³Защита, оплот. По названию статуи Афины Паллады, охранявшей, по верованию древних греков, безопасность города. — Ред.

⁴Щенникова, Л. А. Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVI веке: сказания и чтимые списки / Л. А. Щенникова // История и культура Ростовской земли. 1997. — Ростов, 1998. — С. 96—103.

⁵1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. — М., 1988. — Табл. 173.

⁶Брюсова, В. Г. Русская живопись XVII века / В. Г. Брюсова. — М., 1984. — С. 90—91, табл. 82, 83.

⁷Салтыков, А. А. Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублёва / А. А. Салтыков. — Л., 1989. — Табл. 180.

Сюжетами из русской истории в XVII в. дополнялись и традиционные житийные циклы на иконах прославленных русских святых-чудотворцев. Такие дополнения, актуализировавшие славные страницы исторического прошлого, были особенно распространены в иконописи Поволжья.

1680-ми гг. датируется знаменитая ярославская икона «Сергий Радонежский в житии», на нижнем поле которой представлено изображение Куликовской битвы.¹ И. П. Болотцева предполагала, что состав житийных сюжетов был расширен этой исторической сценой в связи с 300-летием сражения войск Дмитрия Донского с ратью хана Мамаю.² Вместе с тем, икона хорошо вписывается и в контекст складывающейся в это время традиции прославления в иконописи славных побед русского воинства над татарами и другими иноземцами. Кроме уже упоминавшихся нами икон Богоматери, к этой традиции принадлежат и изображение Ледового побоища на Чудском озере на иконе «Александр Невский в житии» из московского Покровского собора,³ и битва на Туговой горе на иконе ярославских писем «Князя Василий и Константин в житии»,⁴ датируемые началом и первой половиной XVII века. Следует отметить, что, несмотря на московское местонахождение, икона «Александр Невский», возможно, также происходила из Ярославля. Так, С. И. Масленицын усматривал её несомненную стилистическую близость с иконой «Князя Василий и Константин», которая имела большое значение для дальнейшего развития ярославской школы иконописи.⁵

Чудо было призвано не только защищать и спасать, но и предупреждать о приближении грозных событий. Так, в иконописи Великого Новгорода с конца XVI до начала XVIII в. был распространён сюжет «Видение хутынского пономаря Тарасия», на который было написано несколько крупных икон.⁶ Сюжет заимствован из «Жития Варлаама Хутынского» и рассказывает о реальных событиях в Новгороде 1506—1508 гг. — моровой язве, наводнении и страшном пожаре. Их предвидение было дано Тарасию по воле восставшего из гроба преподобного Варлаама. Все стихийные бедствия представлены как наказание новгородцам за грехи. Греховность населения города была столь велика, что даже молитва о Новгороде воскресшего ради этого прославленного святого не помогла. Трактовке чуда в этой иконографии придан назидательный оттенок.

Понимание чуда в нравственно-учительном ключе характерно и для лицевой книжности XVII столетия. Большую роль в духовной жизни этого времени играла эсхатология.⁷ Наиболее распространённым эсхатологическим сочинением в России XVII в. был Толковый Апокалипсис архиепископа Андрея Кесарийского, известный в том числе и в лицевых списках.⁸ Основное содержание его миниатюр — рассказ о чудесном видении апостолу Иоанну Богослову грядущих апокалиптических бедствий. В условиях ожидания скорого Конца света события Апокалипсиса воспринимались людьми той эпохи как реалии ближайшего будущего. Тема Апокалипсиса нашла воплощение не только в миниатюре, но и во фресковых

¹ Масленицын, С. И. Ярославская иконопись / С. И. Масленицын. — М., 1983. — Табл. 46.

Об иконе см. также: Филатов, В. В. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. / В. В. Филатов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1960. — Т. 16. — С. 397—408.

Филатов, В. В. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. / В. В. Филатов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1960. — Т. 16. — С. 277—293.

Болотцева, И. П. «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII века / И. П. Болотцева // Куликовская битва в литературе и искусстве. — М., 1980. — С. 120—128.

² Болотцева, И. П. Мастер «Куликовской битвы» / И. П. Болотцева // Памятники Отечества. — М., 1980. — Вып. 1 (1). — С. 96—98.

³ Бегунов, Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. / Ю. К. Бегунов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1966. — Т. 12. — С. 311—326.

⁴ Масленицын, С. И. Ярославская иконопись / С. И. Масленицын. — М., 1983. — Табл. 42.

⁵ Там же. — С. 41, примечание 20.

⁶ Брюсова, В. Г. Русская живопись XVII века / В. Г. Брюсова. — М., 1984. — С. 60—62, табл. 49—50.

1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. — М., 1988. — С. 363, табл. 178.

⁷ Религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. — *Ред.*

⁸ Подробнее см.: Сукина, Л. Б. Очерковые миниатюры русских рукописных Апокалипсисов и Синодиков второй половины XVII века: Автореферат диссертации кандидата культурологии / Л. Б. Сукина. — М., 1998.

росписях храмов середины — второй половины XVII в.¹ Трагические и ужасные сцены, чудесно явленные Христом Иоанну Богослову как предупреждение всему человечеству, должны были укреплять благочестие каждого индивида перед лицом грядущих последних времён.

Образцом новой «малой» эсхатологии в лицевой книжности XVII в. стал синодик — книга для записи имён в целях церковного поминания с литературным предисловием, которое состояло из текстов, обосновывающих необходимость спасения души.² Самыми распространёнными среди десятков составлявших предисловие повестей, притч и литературных фрагментов были рассказы о бедном Лазаре, о печали житейской, суетном богатстве и благодатной милостыне, о преподобном Макарии Египетском, об игуменье Афанасии, о богаче Ионе и тому подобные. Все они включают в себя изображение чудес и, в первую очередь, чуда воскресения из мёртвых для жизни истинной «во Христе» и рядом с Христом. Основной сюжетный принцип толкования чуда в синодиках — душа человека может быть спасена для вечного блаженства, если сам он или его близкие приложат к этому материальные или духовные усилия. Таким образом, с точки зрения составителей и читателей синодиков, свершению даже «великого чуда» можно «помочь», и для этого у человека на земле есть способ — сохранение и приумножение личного благочестия.

Наиболее показателен в этом отношении сюжет — новгородское сказание о посаднике Щиле — один из немногих синодичных рассказов, имеющих русское, а не общеправославное, происхождение. «Повесть о Щиле» привлекала составителей и иллюстраторов лицевых синодиков исторической реальностью персонажа и понятной обычному человеку мотивацией его поступков. Повесть включалась почти во все синодичные предисловия, известны и отдельные её списки, в том числе и лицевые.³

По предположению Н. И. Костомарова, Олоний (Леонтий) Шил или Шил в начале XIV в. был посадником в Новгороде и занимался ростовщичеством. На скопленное состояние под влиянием угрызений совести он решил построить Покровский монастырь. Но новгородский епископ отказался от освящения главного монастырского храма и, согласно легенде, назначил Щилу необычное наказание: отпеть себя заживо во вновь построенной церкви. Во время обряда гроб с телом Щила провалился в преисподнюю и чудесно возвратился оттуда только после сорокоуста в сорока церквях Новгорода и раздачи сыном несчастного ростовщика отцовского наследства в виде милостыни всем нуждающимся. Испытавший муки ада посадник получил отпущение грехов и был погребён по православному обряду. Щилов Покровский мужской монастырь был известен до 1725 г. и находился недалеко от Новгорода в урочище Дубенки (Дубно) на правом берегу реки Волхов.⁴

Щилова легенда близка к некоторым древнерусским житиям XIV—XV вв., в которых будущий святой проходил тот же путь: грех — раскаяние — добровольные муки — чудесное прощение.⁵

Сказание о Щиле иллюстрировалось обильно и подробно: каждый поворот сюжета удостаивался отдельной миниатюры, а то и нескольких. Наиболее сложные сюжетные ходы сопровождалась миниатюрой, в которой совмещалось несколько последовательно происходящих эпизодов (например, действия сына Щила, замаливающего отцовские грехи: раздача милостыни нищим и заключённым, строительство церкви, истовая молитва). «Исторический» характер повести позволял её иллюстраторам вплотную приблизиться к созданию жанра «бытовой картинки», в которую постепенно превращались миниатюры, украшавшую

¹ Сукина, Л. Б. Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском / Л. Б. Сукина. — М., 2002. — С. 42–47.

² Подробнее о синодике — литературном сборнике и его составе см.: Дергачёва, И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика) / И. В. Дергачёва. — Мюнхен, 1990.

³ См., например: Сказание о посаднике Щиле. Конец XVII в. // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Общество любителей древней письменности. № 134.

⁴ Памятники старинной русской литературы / Под ред. Н. И. Костомарова. — СПб., 1860. — Вып. 1.

Титов, А. А. Повесть о Щиле (Новгородское сказание) / А. А. Титов. — М., 1911.

⁵ См., например, «Житие переславского мытаря Никиты» — одно из самых распространённых в древнерусской письменности. (Ключевский, В. О. Древнерусские жития как исторический источник / В. О. Ключевский. — М., 1871. — С. 43–50.)

литературную часть синодика. Таким образом, чудо спасения души превращалось в повести о Щиле во вполне реальную историю, имеющую не только глубокий духовный нравственно-учительный смысл, но и житейский оттенок бытового повествования о домашнем благочестии в семье богача.

Примеры отражения представлений о чуде и чудесном в русской художественной культуре XVII в. могут быть продолжены. Но, как нам кажется, и уже упомянутых достаточно, чтобы показать изменения средневекового сознания под влиянием существенных сдвигов, которые произошли в духовной жизни русского человека предпетровского времени. Чудо и чудесное перестало восприниматься исключительно в сакральном трансцендентном ключе, приблизилось к обыденной жизни, стало неотъемлемой частью не столько церкви в качестве высшего духовного института православного общества, сколько приходского и личного благочестия рядового населения России.

Литература

1. 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. — М., 1988.
2. *Бегунов, Ю. К.* Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. / Ю. К. Бегунов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1966. — Т. 12.
3. *Болотцева, И. П.* Мастер «Куликовской битвы» / И. П. Болотцева // Памятники Отечества. — М., 1980. — Вып. 1 (1).
4. *Болотцева, И. П.* «Сказание о Мамаевом побоище» на иконе «Сергий Радонежский с житием» XVII века / И. П. Болотцева // Куликовская битва в литературе и искусстве. — М., 1980.
5. *Брюсова, В. Г.* Русская живопись XVII века / В. Г. Брюсова. — М., 1984.
6. *Брюсова, В. Г.* Фрески Ярославля / В. Г. Брюсова. — М., 1983.
7. *Голубинский, Е. Е.* История канонизации святых в русской церкви / Е. Е. Голубинский. — 2 изд. — М., 1903.
8. *Дергачёва, И. В.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика) / И. В. Дергачёва. — Мюнхен, 1990.
9. История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. — М., 1915. — Т. 4.
10. *Ключевский, В. О.* Древнерусские жития как исторический источник (репринтное издание) / В. О. Ключевский. — М., 1988.
11. *Ключевский, В. О.* Древнерусские жития как исторический источник / В. О. Ключевский. — М., 1871.
12. *Кудряшов, Е. В.* Солигалич / Е. В. Кудряшов. — Л., 1987.
13. *Масленицын, С. И.* Ярославская иконопись / С. И. Масленицын. — М., 1983.
14. *Никитина, Т. Л.* Система росписи центрального объёма церкви Ильи Пророка / Т. Л. Никитина // 350 лет церкви Ильи пророка в Ярославле (1650—2000 гг.): Статьи и материалы. — Ярославль, 2001.
15. Памятники старинной русской литературы / Под ред. Н. И. Костомарова. — СПб., 1860. — Вып. 1.
16. *Рутман, Т. А.* Храмовые росписи церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанний Скрипины / Т. А. Рутман // 350 лет церкви Ильи пророка в Ярославле (1650—2000 гг.): Статьи и материалы. — Ярославль, 2001.
17. *Салтыков, А. А.* Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублёва / А. А. Салтыков. — Л., 1989.
18. Сказание о посаднике Щиле. Конец XVII в. // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Общество любителей древней письменности. № 134.
19. *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский: Исторический очерк 1934 года / М. И. Смирнов. — Переславль-Залесский: Плещеево озеро, 1996.
20. *Снессорева, С.* Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных её икон / С. Снессорева. — СПб., 1898.
21. *Сукина, Л. Б.* Купеческий культ святого Николая Угодника в Переславле-Залесском / Л. Б. Сукина // VIII Тихомировские краеведческие чтения: Сборник материалов. — Ярославль, 2003.
22. *Сукина, Л. Б.* Очерковые миниатюры русских рукописных Апокалипсисов и Синодиков второй половины XVII века: Автореферат диссертации кандидата культурологии / Л. Б. Сукина. — М., 1998.
23. *Сукина, Л. Б.* Троицкий собор Данилова монастыря в Переславле-Залесском / Л. Б. Сукина. — М., 2002.
24. *Титов, А. А.* Повесть о Щиле (Новгородское сказание) / А. А. Титов. — М., 1911.
25. *Филатов, В. В.* Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. / В. В. Филатов // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. — М.—Л., 1960. — Т. 16.
26. *Щенникова, Л. А.* Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVI веке: сказания и чтимые списки / Л. А. Щенникова // История и культура Ростовской земли. 1997. — Ростов, 1998.